

Н.И. Греч

Сочинения Николая Греча

Часть 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.И. Греч**
Сочинения Николая Греча: Часть 1-2 / Н.И. Греч – М.: Книга по Требованию,
2013. – 532 с.

ISBN 978-5-518-08150-5

ISBN 978-5-518-08150-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ, 1796.

Въ первыхъ числахъ сентября, два молодые человека, во фракахъ, но, какъ замѣтно было по всемъ ихъ прісмамъ, военные, сидѣли на скамьѣ въ большой аллеѣ Лѣтняго Сада. Немногіе городскіе жители пользовались ясностью пріятнаго осенняго дня. Одинъ изъ молодыхъ людей всматривался въ прохожихъ, перемигивался съ пріятелями, кланялся знакомымъ; другой сидѣлъ тихо, смотрѣлъ въ землю, и чертилъ что-то тросточкою на песокъ. — «Что ты опять задумался, князь?» спросилъ первый у своего товарища. Князь не отвѣчалъ, и, по-видимому, не слышалъ вопроса. — «Полно размышлять!» повторилъ первый громче. «Опять ты въ своихъ

воздушныхъ чертогахъ! Очнись. Вспомни хоть о товарищѣ, котораго ты оставилъ на землѣ.» Князь взглянулъ на него, какъ будто припоминая, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается, и послѣ минутнаго молчанія сказалъ: «Виноватъ, другъ мой! Я не знаю... Что бишь такое?» — «Ничего!» отвѣчалъ другъ: «только пора обѣдать. Вѣдь у сестрицы твоей ждать не будутъ, а если застанемъ ее за столомъ, то прійдется выслушать длинную рачею твоей мамихи о развратѣ рода человеческого, обѣдающаго нынѣ послѣ полудня.» — «Ты правъ!» сказалъ князь, вставая: «поѣдемъ.» Молодые люди, взявъ другъ друга подъ руки, вышли изъ саду, и сѣли въ карету. «Къ сестрицѣ!» сказалъ князь. — «Къ Алевтинѣ Михайловнѣ!» закричалъ лакей, вскочилъ на запятки, и карета помчалась къ Таврическому Саду.

Князь въ каретѣ молчалъ, по прежнему. Приятелю это вскорѣ наскучило. «Если бъ я не зналъ тебя съ младенчества, если бъ не былъ свидѣтелемъ твоей задумчивости въ корпусѣ, то подумалъ бы, что ты влюбленъ, милый князь! Брось, сдѣлай дружбу, этотъ обычай. Ты часто приводишь въ смущеніе всѣхъ друзей и знакомыхъ. Посреди шумнаго общества, въ кругу веселыхъ товарищей, ты вдругъ умолкнешь, задумаешься, не видишь, не слышишь ничего. Въ корпусѣ, думали мы, что ты размышляешь о дифференціалахъ и интегралахъ. Но вотъ я воротился послѣ пятилѣтней разлуки, и опять нахожу тебя буюкою и философомъ, какъ прозвали тебя въ дѣт-

ствѣ товарищи.» — «Что дѣлать, Хвалынскій?» отвѣчалъ князь: «никто не воленъ въ своемъ нравѣ, когда нравъ этотъ получилъ направленіе съ первыхъ дней его жизни. Ты знаешь, что младенчество мое протекло среди ужасныхъ преступствій; что я въ дѣтствѣ былъ очевидцемъ такихъ явленій, какихъ иной во всю жизнь не встрѣтитъ. Потомъ осиротѣлъ, остался одинокъ, и изнылъ бы душею, если бъ не сохранила меня дружба. Она вспыхнула въ нашихъ сердцахъ въ одну секунду, когда насъ привезли въ корпусъ, къ генералу Пурпуру, тебя изъ Пскова, меня изъ Симбирска. Помнишь ли? Мы оба вдругъ очутились на чужбинѣ, среди людей неизвѣстныхъ, и когда удалились наши проводники, мы бросились другъ другу въ объятія, и залились горькими слезами.» — «Помню, помню!» сказалъ Хвалынскій съ чувствомъ: «Какъ усладительны эти воспоминанія! Теченіемъ времени они во мнѣ отчасти изгладились, но ты, вижу, памятливъ меня. Когда ты говоришь о временахъ нашего дѣтства, прошедшее воскресаетъ въ душѣ моей, и мнѣ кажется, что я, какъ прежде, хожу съ тобою по корпусному саду, въ кофейномъ камзолчикѣ, потомъ въ голубомъ, а наконецъ и въ мундирѣ. Продолжай, продолжай, любезный князь!» — «И мнѣ эти воспоминанія несказанно пріятны. Ты одинъ привязывалъ меня къ жизни. Казалось бы, что пылкій, вѣтреный, шумливый Хвалынскій не можетъ быть другомъ угрюмому, молчаливому, подъ

часть и несносному Кемскому, но не такъ было на дѣль: ты былъ рѣзвъ, но чувствителенъ, смѣль и неугомоненъ съ другими товарищами, со мною уступчивъ, тихъ и нѣженъ. Кровати наши стояли рядомъ. Помнишь ли, какъ я однажды, въ испугъ отъ сновидѣнiя, вскочилъ съ постели, и конечно больно бы ушибся, если бы ты не схватилъ и не удержалъ меня?» — «Помню! помню! Ты былъ блѣденъ, дрожалъ я, глядя ужасными глазами въ уголъ комнаты, кричалъ: вотъ она! вотъ черная женщина! Страшно, какъ вспомню!» — «И мнѣ страшно: въ эту самую ночь скончался батюшка.» — «Что ты? вотъ этого я не помню! Странно! И въ эту ночь тебѣ такъ причудилось? Поди же, толкуй съ философами! А право, я думаю, въ человѣкѣ есть что-то такое, чего не разгадали мудрецы, да врядъ ли и впредь разгадаютъ.» — «Точно!» сказалъ Князь Кемскiй, сжавъ руку своего друга: «есть, навѣрное есть; только не все это видятъ, не все этому вѣрятъ.» — «А ты вѣришь?» спросилъ Хвальнскiй съ любопытствомъ. — «Увѣренъ!» отвѣчалъ князь: «причинъ не знаю, самыхъ явленiй растолковать не умѣю, но они существуютъ. Мысль ли это, облеченная воображенiемъ въ видимыя формы; затанвшееся ли въ душѣ воспоминанiе былаго случая, которое въ памяти разсудна исчезло; только есть видѣнiя, представляющiяся не внѣшнему, а внутреннему нашему зрѣнiю въ видѣ существъ дѣйствительныхъ. Есть! есть!» — «И ты говоришь объ этомъ такъ утвер-

дительно?» сказалъ Хвальнскій въ недоумѣнн: «я почитаю это одною догадкою.» — «Догадкою!» отвѣчалъ князь, улыбувшись: «догадкою! Когда я говорю тебѣ, что такія видѣнія бывають, что мнѣ представляются они часто, и не безъ причины!» — «Да отъ чего же именно тебѣ, и тебѣ одному? Я, напримѣръ, никогда не видалъ ничего подобнаго; развѣ, бывало, иногда на походѣ, въ Польшѣ, послѣ хорошаго объѣда, причудится какая нибудь глупость.» — «Понимаю,» сказалъ князь: «эти призраки дымокъ винограднаго жару. Я говорю о другомъ: случаются видѣнія наяву, когда человекъ обладаетъ всѣмъ рассудкомъ и всѣми чувствами. И эти явленія имѣють связь съ его душевными движеніями, прошедшими, настоящими и будущими. Ты говоришь: отъ чего не всѣмъ видятся эти призраки? А я спрошу: отъ чего не всѣмъ нравятся, не всѣмъ понятны музыка, живопись и другія выраженія нашихъ внутреннихъ ощущеній? Образованіе, обученіе для этого не нужны: надобно особенное устройство души и ея органовъ. Одного учать музыкѣ весь вѣкъ, а онъ ничего въ ней не слышитъ и не чувствуетъ; въ другомъ, при первомъ звукѣ гармоніи, родной съ его душою, возникаютъ ощущенія, до того невѣдомыя. Такъ и съ голосомъ духовнаго міра: онъ внятень только тому, кто одаренъ способностью его слышать.» — Князь умолкъ и задумался по прежнему. Лице его пылало; глаза сверкали. Хвальнскій смотрѣлъ на него

съ изумленіемъ: онъ никогда не видалъ своего друга въ такомъ изступленномъ положеніи, хотѣлъ просить подробнѣйшаго объясненія; но въ это время карета остановилась у подъѣзда, открылись дверцы, и оба друга вышли.

III.

Мы знаемъ, что молодые друзья пріѣхали къ сестрѣ одного изъ нихъ.

Алевтина Михайловна, не родная сестра Князя Кемскаго, была дочь храбраго генерала Астіонова, убитаго въ первую Турецкую Войну. Матушка ея, Прасковья Андреевна, сочеталась вторымъ бракомъ съ вдовцемъ, Княземъ Кемскимъ, у котораго былъ одинъ сынъ, герой нашей повѣсти, и вскорѣ, какъ говорится, схоронила и втораго мужа. Дочь ея, Алевтина, воспитывалась у ней въ домъ; пасынокъ, Князь Алексѣй Кемскій, въ кадетскомъ корпусѣ. Онъ былъ моложе сведенной сестры двумя годами, и когда онъ едва выходилъ изъ отрочества, Алевтина блистала уже на всѣхъ балахъ и праздникахъ. генералъ Астіоновъ прожилъ почти все свое имѣніе на службѣ; но Князь Кемскій оставилъ четыре тысячи душъ, назначивъ попечительницею своего сына его мачиху, и объявивъ надчерницу свою наследницею имѣнія и фамиліи Князей Кемскихъ, если бы сынъ его умеръ бездѣтнымъ. Поэтому князь нежно любилъ вторую жену свою?

Нельзя сказать; развѣ если примемъ правило: кого боишься, того и любишь. Она умѣла овладѣть умомъ и волею слабаго старика, и заставила его написать завѣщаніе въ пользу дочери, увѣривъ, что изъ любви къ нему отказала въ рукѣ своей милліонщику, который хотѣлъ, жениась на ней, записать все имѣніе Алевтинѣ. Между тѣмъ, молодья лѣта, цвѣтущее здоровье и крѣпкое сложеніе Алексѣя Кемскаго тревожили мачиху. «Бѣдное дитя!» говорила она, вздыхая: «Все миръ, да миръ; выйдемъ въ службу, и отличиться нѣтъ случая. Я обѣщала покойнику, Князь Федору, непременно заставить сына пойти въ военную службу, а теперь не знаю, въ прокъ ли это ему будетъ. Ну, что за военная служба въ мирное время? Бѣдный мальчикъ! А онъ такъ и рвется, какъ бы положить животь за Государыню и отечество. Подойдетъ къ портрету моего покойника, Михайлы Федосѣича, да по часамъ глазъ не сводить съ георгіевскаго креста — такая военная натура!»

Княгиня Прасковья Андреевна, которой въ то время было уже за шестьдесятъ лѣтъ, могла служить живымъ примѣромъ тому, что для проложенія себѣ тропинки въ міръ, не нужно имѣть ни блистательнаго ума, ни отличнаго воспитанія, и что сіи качества очень хорошо могутъ быть замѣнены постоянствомъ въ преслѣдованіи своей цели, смѣтливостью, хитростью и лицемеріемъ. Она воспитана была по старинѣ, грамотъ знала плохо, ничего въ жизни не читала, по-Фран-

кузски говорила только: *бонь-журъ* и *бонь-суаръ*, *анишанте* и *о дезеспуаръ*, а между тѣмъ умѣла пайти себѣ двухъ хорошихъ мужей, воспользо-ваться въ свѣтъ блистательнымъ именемъ одного, княжествомъ и богатствомъ другаго. Видя очень хорошо, чего не достаетъ ей самой, она старалась замѣнить эти недостатки воспитаніемъ своей любезной Алевтины, единственной наслед-ницы ея умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Алевтина получила образованіе свѣтское: говорила по-французски и по-италіянски, какъ уро-женка Орлеана или Флоренціи, танцевала какъ четвертая грація, играла на фортепіанѣ и на арфѣ, пѣла какъ соловей, рисовала безъ помощи и поправокъ учителя. Природа украсила ее всѣми своими дарами. Дочь маленькой, сухой, гор-батой Прасковьи Андреевны, была высока ро-стомъ, статна, граціозна, можно сказать величе-ственна. Большіе черные глаза безпрекословно повиновались ея расчетамъ, и, какъ храбрые вои-ны, въ нападеніи на врага исполняли долгъ свой. Руки нѣжныя, но не малыя; ножки — ихъ никто не видалъ: Алевтина не любила короткаго платья, и хотя во время ея служенія въ свѣт-скомъ легионѣ, мода ровно семнадцать разъ вы-ставляла любопытнымъ взглядамъ ножки ми-лыхъ жрицъ своихъ, но Алевтина въ этомъ пунктѣ была непреклонна. Во все продолженіе моды, которую называла *неприличною*, она при-мѣтно тосковала и даже спадала съ лица; но лишь только бывалъ замѣтитъ въ модномъ жур-

наль, что платья начали опускаться, вдругъ развеселится и похорошѣетъ. Лице у ней было правильное, овальное; ротъ не ротикъ, но за то зубы бѣлые, ровные, блестящіе. Непріятнѣе всего у ней былъ голосъ, звонкій, грубый, повелительный. — Умъ и нравъ, какъ уже сказано, заимствовала она у своей родительницы, но образовала ихъ по требованіямъ вѣка и новыхъ обстоятельствъ. Столь же постоянная, хитрая и пронырливая въ достиженіи того, что она почитала цѣлю жизни, Алевтина отринула кроткое лицемеріе своей матери: начитавшись романовъ и разсужденій о добродѣтели и порокахъ, она составила свою собственную систему нравственности, облекла ее въ громкія фразы, и всенародно проповѣдовала. Добродѣтель, вѣчность, ничтожество благъ земныхъ, святость дружбы и родства, великодушіе, забвеніе самой себя — были у ней безпрерывно на языкѣ. И — странное дѣло! — люди, ее окружавшіе, даже тѣ, которые имѣли съ нею отношенія независимыя, не близкія, были какъ будто заколдованы этимъ тономъ повелительнымъ и недопускающимъ противорчій; знали, что на сердцѣ у ней совсѣмъ не то, что на языкѣ; видѣли ея поступки, ни мало не сходные съ словами — и молчали, покорялись ей, изрѣдка только позволяя себѣ замѣтить кое-что объ этомъ страшнѣйшемъ добродѣтели. — Подъ руководствомъ хитрой матери, пользуясь и дѣйствуя своими дарами, природными и приобретенными, Алевтина, холодная

и безсердая, не могла не сдѣлать хорошей партіи. Къ тому должно прибавить, что княгиня управляла, въ званіи опекуниши, всѣмъ имѣніемъ своего пасынка, и пользовалась его доходами; какъ собственными, называла его деревни и дома своими, и провозглашала дочь свою наследницею четырехъ тысячъ душъ. Эти прелести эти добродѣтели, эти души плѣнили сердца многихъ. Алевтина могла выбрать любаго. Она долго колебалась, рассчитывала, и наконецъ подала руку пятидесяти-двухлѣтнему генераль-поручику Элимову. Всѣ изумились: девятнадцатилѣтняя, блистательная, свѣтская дѣвица выходить замужъ за старика! Но она знала, что дѣлаетъ. Мужъ чиновный, въ александровской лентѣ, кандидатъ въ генераль-губернаторы, представлялъ великолѣпную перспективу ея властолюбію. Элимовъ же, съ своей стороны, рассчитывалъ, что ей достанется великолѣпное имѣніе, которымъ пользуется ея матушка. Красота, умъ, таланты Алевтины не умножали ея достоинствъ въ глазахъ жениха; нравъ крутой, повелительный ихъ не уменьшалъ. Элимовъ былъ выведенъ въ люди слѣпымъ случаемъ, прожилъ небольшое свое имѣніе, и рѣшился поправить состояніе бракомъ. Оба ошиблись въ своихъ расчетахъ: Алевтина, вскорѣ по вступленіи въ замужство, увидѣла, что мужъ ея человекъ ничтожный и по уму, и въ свѣтъ. Его принимали въ домахъ, приглашали на обѣды и вечера, но онъ вездѣ игралъ роль самую посредственную,